

КРУГ

Книга стихотворений

Я писал стихи более тридцати лет. Если быть точным – с 1964 года. Писал нерегулярно, время от времени. Бывало, годами вообще не писал. Публиковался редко – две-три подборки в местных газетах да маленький сборник «До востребования» в 1988 году. Занятие это своей профессией не считал. Тем более уверен: к тому, что зовется Поэзией, мои стихотворные упражнения можно отнести с большой натяжкой. Я сам, во всяком случае, отношусь к ней намного серьезнее, чем к собственным стихам.

Словом, книгу мою вряд ли можно назвать поэтической. Скорее, это такой, что ли, своеобразный стихотворный дневник. Но дневник, в котором зарифмованы не факты и обстоятельства жизни, а, скажем так, сопутствующие ей чувства и размышления. И хотя хронология записей в книге явно нарушена, я думаю, в ней все-таки есть то, что позволяет считать ее дневником: я практически всю жизнь писал стихи исключительно для себя. И в этом смысле, надеюсь, у моей книги есть некоторый шанс заинтересовать читателя...

До востребования

* * *

Нет, даже в природе,
Что всюду права,
Готовность к свободе
Извечно жива.

Ведь это не шутки:
Все, что б ни росло,
Буквально за сутки
Взошло, расцвело.

Чтоб вспыхнули почки
Навстречу весне,
Единственной ночи
Хватило вполне.

Достало, чтоб травы
Так буйно взошли,
Всего одного
Оборота Земли.

Чтоб в розовопенном
Кипенье садов
Холодной весны
Не осталось следов.

1983

* * *

О, как бы я хотел букет сирени
Тебе послать, представь!
Возьми пока взамен стихотворенье
И на окно поставь.

Пусть аромат весеннего букета
Заполнит все вокруг,
Почувствовав на миг всей кожей веток
Объятье нежных рук.

Прижми к лицу сиреневые клубы
И опусти свой взгляд.
Пусть лепестки твои щекочут губы
И щеки леденят.

Вбирай в себя тугие эти кисти,
Тяжелые, как дым,
И сладость лепестков, и горечь листьев,
И капельки воды

И не грусти, что, непутевый мастер,
Я не сумел опять
В пять лепестков сиреневое счастье
В букете отыскать.

1976

Есть окно в стене,
Теплый свет в окне,
Этот свет во мне.

Да и вся стена,
Что кругом окна,
Мне тепла она.

И мне дорог дом
С золотым окном,
Ночью где и днем,

Не гася огня
Даже в блеске дня,
Ждут. Но не меня...

1977

Кто-то вечером свечи зажег на каштанах
И забыл погасить.
И с утра зеркала молчаливых фонтанов
Их смогли отразить.

С высоты, излучая холодное жженье,
Миллионы огней
Отразились в воде. И свое отраженье
Отразили во мне.

А деревьев причудливые изваянья
Проступали едва
В этом море цветов, в океане сиянья.
Колдовства, божества.

1967

* * *

Здравствуй, печаль моя – радость!
Вот и прошли стороной
Дни. Неврученной наградой,
Неотзвучавшей струной.

Канули, канули в вечность,
В небытие без следа,
Вновь доказав быстротечность
Льющегося, как вода.

Да. Но, конечно, не вычесть
Этих беспмятных дней
Даже из множества тысяч
Тех, что отпущены мне.

Где-нибудь на перекрестке
Будущих далей и лет
Дней этих, с виду неброских,
Вдруг обнаружится след.

И за открывшейся далью
Прошлого явленный вид
Невыразимой печалью
Душу мою оживит.

1975

Странности ноября,

Тихие вечера.
Россыпи янтаря,
Проблески серебра.

Утреннее стекло,
Синий закатный дым.
Город, храня тепло,
Светел и нелюдим.

От тишины такой
Станный в душе покой.
Кажется иногда --
Все это навсегда.

1984

Роман

Счастье непостоянно.
Вечен времени бег.
Все всерьез, без обмана –
Девятнадцатый век.

Но опять на арене,
И томясь, и греша,
Благородный Каренин
И живая душа.

И мучительна снова,
Упоительна вновь
Героини Толстого
Роковая любовь.

И опять на повестке,
Как столетье назад,
Сила доводов веских
И душевный разлад.

И семейные сцены,
И тревога в крови,
И коварство измены,
И лекарство любви.

1970

Я опять по золоту хожу,
Словно бы живу при коммунизме.
Я опять ничем не дорожу,

Кроме просто жизни, просто жизни.

Снова все, что было мне дано,
Что давно смешалось с этим дымом,
Что, казалось, сгнуло давно, --
Стало для меня необходимым.

Горек дым. Но сладостен покой.
День ненастен. Но светла надежда.
Пой, душа! Возможностью такой
Мы с тобой не дорожили прежде.

1976

Три сонета

1

Давайте говорить по существу,
Все называть своими именами.
Несвойственно живому существу
Отделяться общими словами.

Невольню подчиняясь колдовству
Красивых слов, довлеющих над нами,
Мы просто забываем временами
О том, что существует наяву.

Посмотрим же внимательно вокруг,
Слов шелуху отринем без остатка,
Подумаем, послушаем, — а вдруг
Раскроется поэзии загадка...

А что слова? Бесчувственный сосуд.
Не вспомнят, не утешат, не спасут.

1971

2

Подумал я: «А что такое миг?
И какова она — цена мгновенья?»
И вот в моем сознании возник
Один лишь миг, распавшийся на звенья.

Течет секунда: слышен первый крик.
Спешат на службу. Бьют без сожаленья.
Звезда мерцает. Кашляет старик.
Горят дома. В печи горят поленья.

Восходит солнце. Падают солдат.
Пьют на прощанье. Женщина смеется.
Предсмертных хрип. Вручение наград.

Кому-то песню спеть не удастся.

Миг — это мир. И в нем заключена
Вся правота и вся его вина.

1969

3

В желании увидеть мир без грима
Мы с пониманьем дела говорим:
«Все, что вокруг и слышимо, и зримо, --
Все ново под луною. Даже Рим».

Но для меня уже неоспоримо,
Что, если мы не тлеем, а горим,
В подлунном мире все неповторимо
Лишь для того, кто сам неповторим.

Да и зависит все в конечном счете
Лишь от того, наверно, каждый раз,
Насколько чуток слух и зарок глаз,
Насколько истина у нас в почете.

В старинном деле сочетанья слов
Кто правды не боится, тот и нов.

1974

* * *

Я приближаюсь к истине,
Как приближаюсь к смерти
В движенье к этой пристани
Вся жизнь моя, поверьте!

Нет-нет, порой случается -
Я и не замечаю,
Что сроки сокращаются,
А цели я не знаю.

Да, в гавани безмыслия
Дышать и жить легко мне:
Я не грущу об истине,
О смерти я не помню.

Но вновь неудержимое
Томит меня желанье:
Постичь непостижимое,
Понять, что там – за гранью.

Вновь вера бесконечная
В то, что живешь на свете,
Чтоб на вопросы вечные
Хоть как-то, но ответить.

Иначе как же сможешь ты
Без криков и истерик
Ступить на тот, нехоженный
Людьми живыми, берег?..

1981

До востребования

Главпочтамт. Телефоны у входа.
Дверь как маятник — вся ходуном.
многолюдно в любую погоду --
Хмурым вечером, солнечным днем.

Пишут стоя и сидя на стульях,
Всюду будничный гомон и шум,
И сравнение с гудением улья
По привычке приходит на ум.

Здесь с готовностью, в тайной надежде
Инженер, балерина, студент
Почтальонше в блестящей одежде
Свой притягивают документ.

Здесь поклонники авиапочты.
Получив долгожданный конверт,
Иногда забывают про то, что
В этом зале и люди и свет.

И, не глядя, отходят куда-то,
Распечатав письмо на ходу,
Изучают на штемпеле дату
И читают у всех на виду.

Что в тех письмах — какие известья.
Откровенья какого ума,
Что, похоже, душа не на месте
У оставшегося без письма?

Но понятно, что не без причины,
Беглым чтением увлечены,
Эти женщины, эти мужчины
Отрешенно стоят у стены...

1965

Утро

Есть у каждого в жизни причал.
Тот, который начало начал.

Пристань. Мокрые доски парома,
Где всегда вспоминаешь: ты дома.

Где зеленое облако ив
Шепчет с детства знакомый мотив.

Где внушает прибой терпеливо
Мысль о времени. Самом счастливом...

1978

Счастье

*" То ли луковичка, то ли речка.
То ль за была, то ли любит крепко.
Ах, яблоня цвела
В старом саду..."*

Радио грело в саду городском.
В давней году. Я не помню, в каком.

Помню, был май. А быть может, июнь.
Помню, что был я беспечен и юн.

Помню еще, что цвела в этот день
То ли акация, то ли сирень.

Нежная песня лилась и лилась,
Песни впервые я чувствовал власть.

Цвет на дорожки летел и летел,
Я небывалого счастья хотел.

Голос давно уже в небе пропал,
Я не заметил и все подпевал:

*«Дождусь такого дня,
Полюбишь ли ты меня
И встретишь ли у плетня,
Если приду?...».*

1979

Река. Луны холодный зной
Колеблет в тишине ночной
И лодки профиль смоляной,
Легко повисший над волной,
И воздух свежести речной,
И ночь, стоящую стеной
До неба...

1976

Каролино-Бугаз

Покинув город и окрестности,
Прельстился я дорогой длинной
И очутился в дальней местности
С названьем нежным – Каролино.

Среди закоренелых дачников
И рыбаков-аборигенов
Бродил я долго, озадаченный
Картиной необыкновенной.

Над полудикой территорией
Вся ширь небес была открыта
От черноморской акватории
До горизонта и зенита.

И здесь, наедине с природою,
Я наблюдал, проснувшись рано,
Как вдалеке за огородами
Вставало солнце из тумана.

Играю внешних сил захваченный,
Прищурившись из-под ладони,
Я видел еле обозначенный
Туманный серп на небосклоне.

Я видел, как на чистом облике
Небесного полуовала
Лиловое густое облако
У горизонта восставало.

И каждый день с утра да вечера
Все измененья в высших сферах
Не проходили незамеченно
И трогали меня без меры...

1976

На лимане

Морозные запахи детства,
Каникул озон и озноб.
С утра потеплее одеться,
Надвинуть ушанку на лоб,
Забросить за спину снегурки,
Чего-нибудь съесть на ходу --
И к стенам, которые турки
Воздвигли в забытом году.

А дальше? А дальше все просто,
Так просто, что не рассказать:
С калош ледяную коросту
Очистить, коньки привязать,
Потом, затянув их потуже
И вставши на обе ноги,
В замерзшей какой-нибудь луже
Проверить, насколько крепки
Веревки. И через торосы --
Туда, где, пока лишь твои,
Ночным сумасшедшим морозом
Прихвачены две полыньи...

Краснеет закат над лимоном.
Темнеть начинает. А ты
Скользишь и скользишь неустанно
По зеркалу черной воды.

1975

1946 год

Замурзанный и слабосильный.
В начале самом бытия,
В свой первый рейс автомобильный
Отправился однажды я.

Шофер полуторки разбитой
От матери моей тайком
Раз усадил меня в кабину,
Спеша в район за молоком.

И был водитель дядя Боря,
Пришедший только что с войны,
Таким отчаянным, что вскоре
За городом пылили мы.

Деревья кронами кипели.
Летел навстречу небосклон,

И вдруг в машине мы запели
Одновременно — я и он.

Мы пели песню о герое,
Покинувшем родной причал,
Как ослабевшею рукою
Заветный камень он сжимал.

И ширилась в душе неслышно
Такая сладкая тоска
У шестилетнего мальчишки
И бывшего фронтовика,

Что эта песня не кончалась —
Мы каждый раз ее опять
Буквально с самого начала
Не уставали запевать.

Гремели в кузове бидоны.
Неслась машина во всю прыть,
А небо было так бездонно,
Как только в детстве может быть...

1979

Еще о дельфинах

Под вечнозеленой равниной,
В прохладной обители вод
Счастливое племя дельфинов
На нашей планете живет.

В огромном своем государстве,
Где нет рубежей и оков,
Не зная ни рабства, ни царства,
Живут они много веков.

В своей безграничной купели
Резвятся они и поют.
Какие-то свисты и трели
Как птицы они издают.

Какие-то странные звуки,
А может быть, даже слова,
Что будут предметом науки,
Теперь уж не год и не два.

Язык их еще засекречен,
А нам не понять без него
В каких оборвалось предтечах

Далекое наше родство.

А нам без него не добиться,
Предвестьем какой новизны
Их узкие длинные лица
Являются из глубины.

И мы замираем в смятенье
И странно пугаемся мы,
Когда, словно зыбкие тени,
Они выплывают из тьмы...

1968

Вечер

Расплавленный шар погружался
в белесый туман горизонта,
На севере высились тучи --
Хранилища силы небес,
кладовые дождя и озона.
Гигантские доли и кручи.

Стремительно день умирал.
Удлинялись и таяли тени.
Оранжевый отблеск заката
Дымился в оконном стекле
и ложился на листья растений,
Вечерней истомой объятых.

Но вот и закат догорел.
Испарилась остатки тумана,
И мягкая тьма окружила
Дощатый причал, где шептались
ленивые волны лимана.
Где время как будто застыло.

Рассеялась дымка вокруг.
Обозначились вмиг очертанья
Уснувшего великолепья.
И звезды прорезались вдруг
и усеяли все мирозданье --
Ночь августа встала над степью.

1966

Я видел розовый закат
И розовые облака,
Которые по небу шли,
Как розовые корабли.

А ниже, в розовой дали,
Шли розовые корабли,
Покачивались их бока,
Как розовые облака...

1967

Встреча

Румянец. Светлое чело.
Дрожащие ресницы.
Ах, сколько лет уже прошло --
Пора бы измениться!

И сразу вспомнилось: весна,
Большая перемена,
А у стены стоит она --
Прекрасная Елена.

Расположенье к ней свое
Скрывая неумело,
Я имя нежное ее
Пишу на парте мелом.

А класс у нас четвертый "А",
И наши парты – рядом.
И вот опять она меня
Испепеляет взглядом...

Я вспоминаю эти дни
И вижу как в тумане:
Весна, дрожание ресниц,
Во всю щеку румянец.

И говорю, что очень рад,
Что помню в форме школьной,
И отвечаю невпопад,
И думаю невольно,

Что детство я не позабыл,
Что перед ним в долгу я,
Что так любить, как я любил,
Уж больше не смогу я...

1979

Аккерман

Меня забыли эти дали,
Тропинки эти и пути,
Где юный след моих сандалий

Уже сегодня не найти.

И этот городок старинный,
Где я так долго счастлив был,
Был счастлив просто, без причины,
Давным-давно меня забыл.

Но я-то помню, помню, помню
Сквозь расстоянья и года
И берег у каменоломни,
Где вечно тихая вода,

И церковь за витым забором,
Белеющую на холме,
И вечер с долгим разговором
В густеющей мгновенно тьме,

И вдоль цементных тротуаров
Подстриженных шелковиц ряд,
И шум воскресного базара,
Где смуглый в пчелах виноград,

И четкий профиль над лиманом
Турецких башен вековых,
И парк, куда тайком от мамы
Я лет с пяти ходить привык,

И первых замыслов крушенье,
И нетерпение в крови,
И первой дружбы искушенье,
И муки первые любви...

1979

Уроки

* * *

Очарованью слава!
Пускай в глазах туман,
Одно искусство право,
Все прочее – обман.

Да здравствуют аскеты,
Запечные сверчки,
Мечтатели, поэты,
Повесы, остряки!

Кто, в истины не веря,
В любой людской глуши

Умел, по крайней мере,
Смеяться от души.

Кто сквозь противоречья,
Не растеряв, пронес
И слов чистосердечье,
И просторечье слез.

1975

Поэт

Читаю Твардовского. Радость
Охватит меня или грусть,
Я книгу беру как награду,
Хоть знаю почти наизусть.

Хоть помню я, что там в начале,
И помню я, что там в конце,
Какие слова там звучали
От автора в первом лице...

Просты эти строки. И нет в них
Вполне современных красот,
Глубин, так сказать, безответных
И недостижимых высот.

Нехитрый как будто бы почерк,
Размер — не запишешь в актив,
Едва уловим между строчек
Почти старомодный мотив,

Привычное имя героя,
Незамысловатый сюжет,
И юмор. И что-то такое,
Чему и названия нет.

1973

Автографы

Я знаю почерк Пушкина. Однако
Мне на минуту показалось вдруг,
Что он похож на почерк Пастернака
Изяществом всех букв и закорюк.

Ну что ж, как видно эти все фигуры,
Все хвостики, небрежные штришки
Подчеркивают широту натуры,
Счастливую уверенность руки.

Зато вот Заболоцкий рядом с ними
И детский почерк сразу выдает
И редкую душевную ранимость,
И беззащитность — спутницу невзгод.

1969

* * *

А был поэт. И дни и ночи
Пером скрипел,
Своей судьбой не озабочен,
Как птица пел.
Ручьи, овраги, каждый кустик
И деревцо –
Все, что воспел в своем искусстве,
Он знал в лицо.
В делах, в стихах, на огороде,
В березняке,
Наедине с родной природой,
Накоротке.
В деревне, в городской квартире,
В саду, в лесу,
Со всем, что живо в этом мире,
Лицом к лицу.

Во всем ценя одну свободу,
Навек дитя,
Сумел пройти огонь и воду
Как бы шутя.
Во всем дойдя до самой сути,
До глубины,
Узнал, что прожитой минуте
Нет цены,
Что жизнь – единственный подарок
В потоке дней
И что прожить ее не даром
Всего важней.

1968

* * *

Я не был, к сожалению, знаком
С поэтом Самуилом Маршаком,
И он не дал мне вовремя совета.
Он не сказал, что дальше делать мне,
Чтоб не жалеть об уходящем дне,
А просто жить и не жалеть об этом.

Он ни о чем со мной не говорил,

Стихов не правил, чаем не поил,
Не сетовал, что вновь не получилось.
Подумать только, жил он и дышал
И чьи-то судьбы навсегда решал,
Когда со мною все уже случилось!

О, если б знал я много лет назад,
Когда стихи слагались наугад,
Что от него судьба моя зависит, —
Я бы принес ему весь этот вздор,
А там, любой услышав приговор,
Я был бы счастлив, как один из тысяч.

И вот в знакомых до строки стихах
Я вновь и вновь, уже не впопыхах,
На прежний свой вопрос ищу ответа —
Но тщетно. Строки говорят о том,
Что нужно жить и думать. И, потом,
Еще о том, что мне ответа нету...

1969

Реплика в споре

Бенедикту Сарнову

Мальчики, любящие литературу,
Двигут прогресс, насаждают культуру.
Книги читающие взахлеб,
Передающие их друг дружке,
Знают,
 что это совсем не игрушки,
Верят,
 склонивши над книгами лоб,
В грозную силу печатного слова,
В тайную силу крылатой строки,
Мира взрывающую основы
Всем предсказаниям вопреки.
Помнят,
 что в творческой лаборатории,
Что в поэтической мастерской
Все вековые вопросы истории
Тоже решаются день-деньской.
Что в индивидуумах и коллективах
Можно добиться смягчения нравов,
Если писать горячо и правдиво
И рассуждать по возможности здраво.

1969

Я помню вокзал в Симферополе,

Куда меня случай занес.
На площади шумной три тополя,
У кассы немислимый хвост,

Прокуренный зал ожидания,
В буфете холодный беляш
И то, как по гулкому зданию
Бродил с этажа на этаж.

Как за день и за три до этого
В знакомом аэропорту
Сидел я, на жизнь свою сетуя,
На дождь за окном и на "Ту".

Я помню погоду нелетную,
Державшуюся три дня,
Как — спутники мимолетные --
Мы стали друг другу родня.

Как после, простясь с самолетами,
В вокзальном потоке людском
Делились мы всеми заботами,
Как будто последним куском.

Еще я запомнил, как весело,
От этих бесед не устав,
Откликнулись мы на известие.
Что нам подается состав.

И крики: "Вагон не резиновый",
И то, как я ночь простоял
И сонной старушке с корзинами
Стихи Пастернака читал...

1981

В самом начале

* * *

Зачем мое сознание открылось,
Взгляд распахнулся, отворился слух,
Когда я все равно понять не в силах
Все, что во мне и что вокруг?

Но, стоя у глухих ворот природы,
Я чувствую в кромешной тишине,
Что смысл ее, как ключевые воды,
Неслышно пробивается ко мне...

1966

* * *

Дай мне руки твои, дай мне руки,
Я в ладони к тебе загляну,
Отыщу в них излучин разлуки
Удивительную кривизну.

В этих линиях тонкой работы,
В этих руслах причудливых рек
Прослежу я судьбы повороты
И прочувствую времени бег.

Я исследую каждую клетку,
Каждый выступ и каждый изгиб,
И пойму, и возьму на заметку,
Почему до сих пор не погиб.

И уткнусь, как теленок, губами,
Виноватое спрячу лицо
В это пахнущее как гербарий --
Всеми травами — озерцо.

1965

Аэропорт

Когда вращением винта,
Когда подъемной силой крыльев
Я поднят был — еще видна
Ты мне была. И без усилий
Твое лицо я различал,
Что для меня на свете белом
И есть начало всех начал
И достижение всех пределов.

Так я сидел, прильнув к окну,
Мгновенья пропустить не в силах.
Пока лишь в точку одну
Ты милая, не превратилась.
Еще дрожит в моих глазах,
Еще в моей сетчатке бьется
Твой тихий образ. И назад
Меня зовет не дозовется...

Но не хочу, о други, умирать...

...воображенье

А. Пушкин

Где же были вы, о други, в эти дни,
Товарищи, куда же вы девались,
Когда среди салонной суетни
Над Пушкиным подонки издевались?

Куда же вы исчезли, господа
Поэты, собутыльники, повесы,
Когда взошла зловещая звезда
Над Черной речкой и притихшим лесом?

Куда ж запропастились вы, друзья,
Какие вас заботы одолели,
Какие неотложные дела
Вдруг вашими умами овладели?

В течении привычной суеты,
В том январе 37-го года
Зачем вы не заметили черты
Грядущего смертельного исхода?

Свидетели мучительной игры,
Зачем вы не предвидели несчастья?
Балы, приемы, рауты, пиры –
Не до него. О злое безучастье!

О равнодушьи! Горестный упрек
Звучит в веках, как траурная месса
Всем тем, кто Пушкина не уберег,
Кто не прельстился пулею Дантеса.

1965

Скульптор

Здесь форм и линий торжество,
Но вижу я венец искусства:
Не существо, не божество --
Всепоглощающее чувство.

Да, ты любил ее, Тутмес,
Себе ни в чем не признаваясь,

Просил спасенья у небес,
От болей в сердце изнывая.

Пока ты выполнял заказ
Полусвятого Эхнатона,
О, сколько раз, о, сколько раз
Ты сдерживал глухие стоны!

Когда ты смел, когда ты смог
Осилить бессловесный мрамор,
Какой ты ужас превозмог,
Какую пережил ты драму!

И оттого ты не погиб
В реке времен, что лоб, надбровья,
Неповторимых губ изгиб
Ты наполнял своей любовью.

И в том загадка красоты,
И в том разгадка Нефертити,
Что ты любил ее, что ты
Не оборвал сердечной нити.

Твоя любовь жива, Тутмес,
Во мне — счастливом человеке.
Ты жил. Ты умер. Ты воскрес.
Благодарю тебя вовеки!

1969

* * *

Я вспомнил ощущение счастья,
Обуревавшего меня
В канун осеннего ненастья,
Однажды на исходе дня.

В старинном парке возле дома
Я вновь увидел наяву
Пейзаж забытый и знакомый --
Кусты, деревья и листву.

И в этом беспорядке пестром,
В стране оранжевых огней
Опять почувствовал я остро
Всю прелесть уходящих дней.

1966

* * *

Ты в своих рассуждениях точен,

Говоришь не случайно, не вдруг,
Только чем же ты так озабочен
Временами бываешь, мой друг?

Отчего, проявляя уменье
Мысль свою доводить до конца,
Ты встревожен и тени сомненья
С твоего не сбегает лица?

Может быть, эти странные тени
И являют собою следы
Тех невнятных душевных смятений,
Той сердечной твоей маяты?

Может быть, выраженье заботы
На твоем неподвижном челе
Говорит о наличие чего-то
Недоступного всем на Земле?

И отнюдь не ученые боги
Этих тайн разгадают секрет,
Если знак постоянной тревоги
Даже там, где тревожного нет.

1964

* * *

Маргарита, скажи мне, откуда
Ты явилась однажды на свет,
Что как будто пришествие чуда
Для меня твой словесный портрет?

Кто ты? Что ты? Откуда ты родом?
Где следы твои в мире найти?
Дух небесный, загадка природы,
Или женщина ты во плоти?

Может быть тебя не было в мире,
Не грустила ты и не жила
В переулке, в отдельной квартире,
В сером доме в четыре угла?

Может быть удивительный мастер
Тайной властью пера и чернил
Ту мечту о несбыточном счастье
Наконец-то в тебе воплотил?

Но скорей всего, праздный свидетель
О своей не заботясь судьбе,
Он прошел и тебя не заметил,
Погруженный в мечту о тебе.

1969

После сеанса

Свет вспыхнул. Я вышел из зала --
И был поражен тишиной,
Возникшей, как мне показалось,
И в мире, и рядом со мной.

Вокруг в гипнотическом трансе,
Неслышно ступая вперед,
Шли люди. И реял в пространстве
Людской отчужденности лед.

Привычно считая ступени,
Вне времени, дел и границ,
Спускались они постепенно
По каменной лестнице вниз.

Ни слова, ни мысли, ни чувства,
И только в излучинах глаз
Дрожащее пламя искусства
Доверчиво билось сейчас.

Как будто, исчезнув с экрана,
Навек им запали в глаза
Картины видений туманных,
Увиденных за два часа.

Но только лишь уличный гомон
Ворвался в тревогу мою –
Все стало, как прежде, знакомым,
Вернулось в свою колею.

И были развенчаны мифы,
И были развеяны сны
Веселой реальностью мира,
Торжественной песней весны.

И краткое оцепененье,
Владевшее душами всех,
Рассеялась в то же мгновенье

Под говор стоустый и смех.

1968

* * *

О легкомыслие! Легко ли
Свой долгий век, свой горький век
Прожить у страха на приколе,
Дрожащих не подъявля век?

О простодушие! А просто ль
Всегда идти вокруг, в обход,
По той кривой направив поступь,
Что кривдой входит в обиход?

Недаром, видно, добродетель --
Всего лишь отраженье зла.
И потому на белом свете
В таком почете зеркала.

И это странное соседство
Устойчиво на том краю,
Где непосредственность -- лишь средство,
Чоб скрыть беспомощность свою.

1964

Будущее

Когда впервые приземлится
В огне и в дыме звездолет
И мы увидим стать и лица
Суровых инопланетян;
Когда, открыв друг другу двери,
Мы убедимся, что она --
Слепая сила недоверья
Меж нами встала как стена;
Когда, уразумев прекрасно
Законы речи и письма,
Мы обнаружим, что напрасны
Все ухищрения ума;
Когда, преодолев границы
Условностей и языка,
Мы вдруг поймем, что объясниться
Не легче, чем во все века;
Когда сознаемся мы с грустью,
Что чуда не произойдет, --
Спасительный язык искусства
На помощь вовремя придет!

1968

Художник

Олегу Соколову

Что знаю я о нем? Да ничего.
Какие-то обрывки слухов, сплетен.
Весь облик удивительный его
Тончайшими узорами заплетен.

На три пролета выше суеты
Тот мир повис, куда счастливый случай
Меня привел. Где смутные черты
Хозяина за бородой колючей.

Дверь отворилась резко и легко,
И в полутьму пустующей прихожей
Его лицо отчетливо легло
И было очень на него похоже.

Последовал затем широкий жест...
Компанией веселых дилетантов
Мы ворвались совсем не деликатно
В страну его неведомых божеств.

Но власть искусства — роковая власть.
Мы в комнате как дети присмирели,
Не разобрав, где целое, где часть,
По сторонам рассеянно смотрели.

Гармония картона и стекла,
Несовместимость красок и оттенков
На каждом повороте стерегла
И жаждала немедленной оценки.

А он сначала принял нас всерьез,
Рассказывал туманно и подробно,
Но целое не становилось дробным,
И за вопросом следовал вопрос.

Он понял нас. Всех усадив за стол,
Оставил безнадежное стремленье
И музыку веселую завел
На маленьком старинном инструменте.

И мы ушли, довольные собой,
Забыв великой тайны ощущение.
А то, что не случилось очищенья
Ни с кем из нас — не он тому виной.

1965

День за днем

Снег

Снег падает по всей округе.
Придется все же в дом войти
И очертанья белой вьюга
На белый лист перенести.

И рассказать, как в понедельник,
Необъяснима и светла,
Пришла зима. И безраздельно
Умы и души заняла.

Как, позабыв о дне вчерашнем,
Отринув прошлое, как сон,
Был целый город ошарашен
И по колено занесен.

Как, спрятавшись под шапкой белой,
Он притаился и затих,
Вне очертаний и пределов,
Законченный, как белый стих.

1968

Зимнее утро

Все растения в белом убранстве,
Белый свет удивительно бел,
Словно кто-то оставил в пространстве
Не заполненный утром пробел.

Тонкий воздух и жгуч, и целебен.
Дальний звон раздаётся в тиши,
Предвещающая сердечный молебен
И рождественский праздник души.

1967

Начало марта

Еще зима чинит разбой,
Забыв, что силы на исходе,
И воробьи наперебой
Весь день судачат о погоде.

Еще бесцветны небеса,
Еще беспомощны побеги,
И полны птичьих голоса
Воспоминаньями о снеге.

Но в этой слабости земной,
Нов этой немощи небесной
Нет-нет да и пахнет весной,
Теплом и крепостью телесной.

А значит, ни к чему зиме
Такое проявлять старанье.
Вена у марта на уме
И явится по расписанью.

И пусть теряется рассвет
В морозном утреннем тумане --
Причин для беспокойства нет:
Кто-кто, природа не обманет!

Какое чудо, что пришла весна
И что полна сочувствия природа!
Меня опять спасает время года,
Как в незапамятные времена.

Как в дни, когда моих сомнений груз
Уравновешивало ожиданье счастья,
Когда душа моя была во власти
Земли и неба повседневных уз.

1971

И вот случился день и час,
Определилась дата,
И весь накопленный запас
Листвы и аромата
Земля внезапно отдала,
И это означало,
Что просто-напросто тепла
Чуть больше в мире стало.

1986

Весна

Цвели деревья, лица, сны,
И каждый день был свеж и светел.
Но все старания весны
На этот раз я не заметил.

На этот раз я прозевал
Такое сказочное время,
Когда мой взгляд напрасно звал
Каштан в ажурно-белом шлеме.

Идущих дней круговорот
Увлёк меня. А где-то рядом
Весна справляла новый год

Среди садов, аллей и грядок.

Гремели грома первых гроз,
Сирени ветви тяжелели,
Пух тополиный ветер нес,
И май стоял, и дни летели.

Но в этой смене райских дней
Я не услышал, как бывало,
Простую песенку. А в ней
Весна мне душу изливала...

1967

Цветы

Вновь солнце толщу облаков
Пробить не может,
И в мыслях у отпускников
Одно и то же:

«Одесса. Май. Конец весны.
Ну что за шутки?!»
Но горизонты неясны
Седьмые сутки.

С утра до вечера игра
Дождя и зноя,
И небывалая жара
Тому виною.

Но в смене зноя и воды
В конце недели
Вдруг неожиданно цветы
Подешевели.

Ах, сколько появилось их --
Живых и влажных,
Огромных, пышных, дождевых,
Тяжелых, важных!

Проходим головы кружа,
Частя дыханье,
Неслось, собой не дорожа,
Благоуханье.

И в этот сладостный настой,
Как снег внезапен,
Ворвался вязкой и густой
Акаций запах.

Невидимая кисея
Девятым валом
Накрыла здешние края,
Как покрывалом.

И все белело и цвело
Настолько пышно,
Что солнце, только рассвело, --
Решилось, вышло...

1976

Август

Есть в днях идущих некая примета,
Какой-то чистый и волшебный свет
Того незабываемого лета,
Где нашей встречи затерялся след.

Опять, все предсказания нарушив,
Великолепным августовским днем
Вдруг что-то мне пронизывает душу
Целебным освежающим огнем.

Пойму ли я причину перемены,
Постигну ли таинственную связь
Меж августом, горящим неизменно,
И сердцем, изменявшим столько раз?

Узнаю ли, какие превращения
Душа переживает в эти дни,
Когда в природе праздник пресыщения
Развешивает желтые огни?

Когда зеленоватой желтизною
Чуть тронуть поблекшая трава,
Когда стоят окутанные знаем,
Готовые заняться, деревья?

1968

Осень

Нас осенила осень. С каждым днем
Все ближе, все отчетливее я вижу,
Как осени огромный красный дом
Встает вдали прозрачен и недвижим.

Чуть пахнет дымом. Гаснет небосвод.
Я обхожу янтарные чертоги,
Где, совершив медлительный полет,
Ажурные лист ложится мне под ноги.

Я в осени. Но и она во мне.
Октябрь в душе и пленник, и хозяин.
Какая ж тайна в этой тишине,
В круженье листьев, в дыме? Я не знаю...

1966

В дороге

Воспоминание о Ленинграде

Бьющая в окна заря,
Меди в стекле трепетанье
Помнятся. Скажете: «Зря.
Тоже мне воспоминанье!»

Что же, и мне не понять,
С тайную целью какою
Взгляд устремил я опять
К дальней заре над рекою.

К зданиям, плавной дугой
Высящимся над каналом,
К окнам над черной водой
С их трепетанием алым.

Кто мне ответит, зачем
Я машинально отметил,
Что горизонт вместе с тем
Все же по-летнему светел?

Кто объяснит, почему,
Светлой печалью наполнясь,
Сердце шепнула уму:
«Все это нужно запомнить»?

Видимо, в тайной глуши,
Где-то помимо сознания,
Есть еще зренье души
С органом запоминанья.

Пусть же в душе у меня
С тем, что так дорого, рядом
Встанет и отблеск огня
Вечного над Ленинградом...

1981

Брест

Вот был бы у них выдающийся ум,

Пусть даже без сердца, но ясный и трезвый, --
Он все предсказал бы, от знанья угрюм,
Им, взявшим с грехом пополам эту крепость.

Он сделал бы честный и точный расчет
И в найденных цифрах мгновенно увидел,
Что зря это все, что попутал их черт,
Что толку из этой затеи не выйдет.

Своим бы сказал он: «Что зря воевать?
Взгляните — я все подсчитал аккуратно:
Вот — крепость. А вот — чего стоило взять.
Надеюсь, все ясно? Давайте обратно!».

Увы! К сожаленью, у них не нашлось
Педанта, который бы снова и снова,
Плюя на арийскую тупость и злость,
Им это внушал бы умно и толково.

И в страшной войне — и своих, и чужих,
Ни в чела не повинных и сплошь виноватых --
Такое сумели они положить
Число, что оплакать и века не хватит.

Над Брестом суровые звоны слышны,
Но нет в них давно ни вражды, ни угрозы.
Одна только горькая память войны
Да горькие слезы...

1981

На гастролях

Ах, планида, судьба, судьбина!
По декабрьской снежной Сибири
Колесили мы вчетвером.
Непривычный угол созвездий,
Дым заводов и гул предместий,
Поездов над мостами гром.

Как-то выпуклой все, крупнее,
Небо выше и лес синее,
Неогляднее горизонт.
Бесконечные километры,
Да морозец крутой без ветра,
Да снежок, летящий с высот.

К вящей радости населенья,
Каждый день у нас представленье,
Нынче сдался Новокузнецк.
А в душе и подъем, и бодрость.

Даже некоторая гордость:
Вот он. жизни смысл, наконец!

На рассвете — мороз под сорок --
Наш автобус покинул город.
Продышал я кружок в стекле
И увидел, как вдоль дороги,
В свежий снег окуная ноги,
Люди шли в предутренней мгле.

Лиц в окна я почти не видел,
Только знал, что еще не вытер
С них мороз недавнего сна.
Что еще не легла на скулы
Тень усталости. Не сомкнула
Им заботой уста она.

Что испытывал я? И радость,
Что не с ними сейчас. И зависть
К тем, кто был среди них своим.
Зависть делалась все острее.
Я шоферу сказал: «Скорее!
Что-то медленно мы спешим!».

Вдруг души моей каждый атом
Ощутил себя виноватым.
Это чувство сплошной вины
Перед теми, кто занят делом,
Охватило меня всецело,
Прохватило до глубины...

Спал автобус. Ну, тот, в котором
Не заснули лишь мы с шофером:
Он — поскольку при деле был,
Я — совсем по другой причине,
О которой, клянусь, донине --
Через годы — не позабыл!

Корпусом и цехам «Запсиба»
Говорю большое спасибо
За суровый этот урок.
За негаданной боли милость,
Без которой бы не случилось
Этих вот запоздалых строк...

1982

В Армении

Есть горная страна, где имена
Звучат как будто в древности, без отчеств.

Где нет клочка земли без валуна.
Где если ты строитель — значит, зодчий.

Где зодчий создает не дом, а мир.
Где мир в дому воочию воссоздан.
Где на балконах городских квартир,
Как знак доверья, ласточкины гнезда.

Где воздух чист, как будто нет его.
Где устаешь не от дорог — от далей.
Где боль не оставляет ничего
От всех твоих — таких пустых — печалей.

Где память этой боли так жива,
Что нем язык и многословен камень.
Где нежная Севана синева
Становится еще нежней с веками.

Где звезды человеку так близки,
Что небосвод цветет огромным садом.
Где кровь стучит догадкой в виски,
Что вечность — будто звезды. Это рядом.

1981

Тульчин

Здесь декабризмом и не пахнет,
Иной — мясомолочный пыл.
Но из проезжих кто не ахнет:
«Здесь Пестель жил! Здесь Пушкин был!».

Ах, до чего б, наверно, много
Про это мы узнать могли б
У охраняющих дорогу
Могучих двухсотлетних лип!

1981

Сибирь

Я увидел большую страну
Вместе — силу ее и бессилье.
Ничего ей не ставлю в вину.
Понимаю: Россия — Россией.

Принимаю немислимым путь,
Роковые его повороты.
Жажду в будущее заглянуть.
Бесконечные с прошлым расчеты.

Все приемлю: престол и простор,

Дым заводов и морок предместий,
Душ невообразимый разор,
Старты в космос. И все это вместе.

Да, принять и понять я готов
Все, что живо и что позабыто,
Кроме тех неизбывных годов
С именами безвинно убитых.

И хвалу этой странной стране
Я воздел бы, конечно, сторицей, --
Знать бы только доподлинно мне,
Что подобное не повторится...

1982

Внутри круга

* * *

Ощупью иду к себе.
Прочую и возвращаюсь.
Горько сетую судьбе,
Что опять не получаюсь.

Что хочу? Зачем живу?
До сих пор еще не знаю.
По течению плыву,
А вокруг меня иная
Жизнь бросает якоря,
Смысл свой собственный находит,
Борется, течет не зря,
В праведных трудах проходит.

Ах, река моя, река --
Жизнь моя -- мое мученье!
Пусть прекрасны берега,
Но прекраснее теченье.

Звезды неба надо мной,
Подо мною мгла и камни.
Ветер времени сквозной
Раздувает паруса мне.
Крутит, вертит, гонит, бьет,
Вслед швыряет грязь и тину,
То к излучине прижмет,
То выносит на стремнину.

С этим ветром не борясь,
В эти волны погружаясь,

Я легко смываю грязь
И уже не сомневаюсь:

Буду плыть, пока живу,
Буду жить, пока плыву.

1981

* * *

Пока я радуюсь успеху друзей,
Пока я думаю и помню о них,
Имеет смысл даже слабый сей,
Мгновенный, несовершенный стих.

Пока в душе у меня боль жива
О том, что в жизни моей все не так,
Жива и надежда, что все слова,
В строки ложащиеся, — не пустяк.

Пока любовью, что выше слов,
Мне не наскучило дорожить,
Я снова и снова твердить готов,
Что стоит на этом свете жить.

1978

Третья песня

Разговоры об искусстве
стали раздражать,
И признаться в этом чувстве
мне легко уже.
Истину искать в капусте
проще, чела рожать.
Коль в судьбе темно и пусто --
пусто и в душе.

Тары-бары-растабары --
истина в вине,
Опостылевшей гитары
вялый говорок.
Ну а я-то думал, старость --
это не по мне.
Обнаружилось, что даром
думал. Все не впрок!

Напрягу я мышцу сердца
да в последний раз.
Поищу единоверцев --

надо ж их иметь!
Из гитары выжму скерцо
 типа перепляс.
И пойду, как пьяный герцог,
 серенады петь.

Не родился я в рубашке --
 да один ли я?
Пусть любая ошарашит
 в жизни дребедень, --
Плавать мне уже не страшно
 в волнах бытия.
До свиданья, день вчерашний,
 здравствуй, новый день!

1982

Еще о розах

Эти розы так пахнут, так пахнут,
Так бутоны их влажно-нежны!
Все равно не успеешь и ахнуть,
Как часы их уже сочтены.

Осторожно, боясь уколоться,
Ты спешишь, не сочтя за труды,
Чтобы свежей — пусть не из колодца,
А из крана — набрать им воды.

Ты их ставишь в кувшин, забывая,
Что, поскольку пришел их черед,
Ни обычная, ни ключевая
Эти розы уже не спасет.

Эти розы увянут, увянут.
Ну, казалось бы, что за печаль?
Все известно, никто не обманут...
Ты ответишь: "А все-таки жаль".

1981

Городской романс

Как в вечерних троллейбусах женщины хороши!
Перекресток машину качнет на рессорах,
И качнется неоновый отблеск души
В их прекрасных глазах, в их таинственных взорах.

Остановка. И я отвечаю в уме,
Что не сходят они, а как будто слетают,
И с волнением слежу, как потом в полутьме

Грациозные их очертания тают.

Одинокий троллейбус всю дребезжит,
Продуваемый ветром, холодный, железный,
И в оконном стекле обреченно дрожит
Взгляд знакомый. С надеждой уже бесполезной...

1981

* * *

Я написал стихи когда-то
Об августе и облаках,
О том, как на причал дощатый
Вбегали волны впопыхах.

Я написал стихи. Казалось,
Тебя в них не было. Но всё ж
В конечном счете оказалось,
Что ты в них дышишь и живешь.

Что строк и волн чередованье
Не вызвано ничем иным --
Одним твоим существованьем
И соучастием твоим.

Предчувствием ли скорой встречи
Иль эхом, смолкнувшим давно...
А был ли август, волны, вечер
И облака — не все ль равно?

1975

* * *

Дети мои --
Женя и Славка --
В книге семьи
Малая главка...

Эти слова
Спел я когда-то,
Нынче глава
Им маловата.

Новые дни
Книгу раскроют,
Глядь — а они
Вышли в герои.

Был я отцом
Строгим, степенным,
Стану лицом
Второстепенным.

Будь же вовек
В мире и рядом
Благословен
Этот порядок!

1981-1989

* * *

Пусть маленькую, но удачу,
Пусть слабую, но звезду,
Иметь впереди. А иначе --
Иначе совсем пропаду.

И этой внезапной пропажи,
Клянусь, не заметит никто.
Лишь Бог в производственном раже
Вздыхнет огорченно: "Не то!".

И глину он снова замесит,
И душу он снова вдохнет,
Фонарик удачи подвесит
И в спину легонько толкнет.

И новый пойдет человечек
По свету удачу искать.
И вновь ему будет навстречу
Чужая удача сиять...

1982

* * *

Все проходит -- и счастье, и горе.
И без нашего, в общем, участия.
Даже если горя этого -- море.
Даже если горы целые -- счастья.

Но одно другим в вечном споре
Заменяется лишь отчасти:
Счастье кончится -- это еще не горе.
Горе в память уйдет -- вот где счастье.

1981

* * *

Наше содружество дышит на ладан.
Срок, что судьба для проверки дала нам,
Вышел, исчерпан. Похоже, что весь.
Что теперь? Как теперь дальше? Бог весты!

Наше виновно ли в том воспитанье
Или некачественное питанье
В детстве, откуда сюда мы пришли,
Вырвались, выросли, как из земли?

Все же года прошагали бок о бок
Этот, что крайне наивен и робок,
Тот, что успеху чужому не рад,
Третий, что прячет и мысли, и взгляд.

Те же мы. Не сомневаюсь, что те же.
Лишь удивляем друг друга все реже
Да нашей памятью не дорожим,
Около правды кружим и кружим.

Сколько осталось нам — год или сутки?
Я, находящийся в здравом рассудке,
Знающий точно, что все это муть,
Вижу: уже ничего не вернуть.

1988

* * *

За верность верному пути
Я поднимаю тост.
За то, чтоб этот путь найти,
Хоть поиск и не прост.

За то, чтобы его найдя -
Единственный тот путь,
И век и вечность погодя,
С дороги не свернуть.

За то, чтоб, марш победный спеть
Готовностью горя,
Признаться мужество иметь,
Что путь был пройден зря...

1984

Демон

Есть демон у меня,
Узнал бы среди тысяч.
Мой друг. Почти родня.
Зовут Михал Борисыч.

Никто не намекал
Ему об этой роли.
Он для других Михал
Борисыч и не боле.

Точнее, Михаил
Борисович. Представьте,
Который очень мил,
Хоть лысоват некстати,

И внутренне хорош --
Душа и все такое,
Которую не трожь, --
Ну мало ли? Не стоит.

Он дружеских интриг
Известнейшая тема.
Но это для других.
А для меня он – демон.

Ах, как он искушал,
Чертил какие дали!
Он факты освещал,
Приоткрывал детали.

А нужно — был готов
Сидеть и молча слушать,
Когда ему без слов
Решал открыть я душу.

Я знал, что он меня
Прекрасно понимает.
Я знал, что он меня
Всерьез не принимает.

Ответного огня
Мне из него не высечь.
Есть демон у меня,
Зовут — Михал Борисыч.

1981

* * *

Я с временностью борюсь
И вам доказать берусь,
Что в движущейся вселенной,
Исследованной до дыр,
Ведущих в соседний мир,
Все ж кое-что неизменно.
Все ж кое-что кое-как
Удерживается в веках,
Накапливается с годами,
Отсеивается в золе,
Не где-нибудь – на Земле,
Не кем-нибудь – нами.

1981

Мне нужна слава.
Мне нужна слава человека.
Которого слава не интересует.
Мне нужны деньги.
Ровно столько, чтобы о них не думать.
Мне нужна любовь.
Но пусть она будет хотя бы равна моей.
Лишнего мне не надо...

1978

По Шекспиру

Да, мир – театр, а мы – актёры.
Но кто же автор пьесы той,
Согласно действию которой
Поёт и плачет шар земной?

И есть ли в нашем зале зритель?
А есть – он слушает ли нас?
Что видит на земной орбите –
Трагедию? А может, фарс?

Уж дело близится к развязке,
Но что там будет – не понять.
Актёры медлят, ждут подсказки, --
Но спит суфлёр. Он пьян опять.

Последний акт героям труден.
Ах, если б уловить момент,
Когда еще не поздно будет
Сыграть банальный хэппи-энд!

1982

Ветер времени

Фрагмент поэмы

Ну что ж, приступим. Время говорит,
Что мне пора. Что к цели путь открыт.
И что ответ, являвшийся в мечтах,
Зарыт как раз во времени. Итак,
В простом повествовании моем
Конечно. речь пойдет как раз о нем –

О времени, всесильном, как чума,
О времени, сводящем всех с ума,
О животворном времени, когда
Быстрее забывается беда.
О дальних далях, где в изломах лет
Причин и следствий затерялся след.

Из века в век, захватывая дух,
Бушует ветер времени вокруг.
Он все сметает на своем пути
И вновь рождает, чтобы вновь снести.
Его не задержать, не укротить,
Вот разве срок приходит ощутить,

Как он свистит, поет на все лады
Предвещьем то ль победы, то ль беды,
И что всему на свете господин
Лишь этот ветер. Только он один.
И все подвластно на земле ему,
Что только ни представится уму.

Подумайте, Вселенная сама,
Что миллионы лет была нема,
Недавно рассказала нам о том,
Что было раньше, будет что потом.
Не оттого ль времен железный ход
Сегодня нам сильнее сердце жжет?

Подумайте! Любой бегущий миг
Вмещает все, чем этот мир велик,
И чем он мал, и чем ничтожен он,
И где он явь, а где всего лишь сон,
И чем он беден, и когда богат,
И где он прав, и где он виноват.

Но каждый миг, бегущий вслед за ним,
Становится уже совсем другим,
Хотя в себе вмещает существо
Всего того, что было до него,
И вместе с тем он, без сомненья, весь.

Всем существом своим уже не здесь.

Миг промелькнул — и стало вещество
Старее. То есть более мертво.
На что-то в этот миг и родилось,
Проклянулось, проснулось, началось.
Но общий возраст сущего притом
Стал старше. Я пишу как раз о том.

Стареют камни, звезды, города.
Стареют мысли. Впрочем, не всегда.
Стареют чувства. Впрочем, лишь для тех,
Кто укротить не смог их бурный бег.
Но я об этом позже расскажу.
Пока же я по-прежнему твержу,

Что все кружится-движется вокруг:
Вот искренних друзей распался круг,
Вот круг любви разорван пополам,
Семейный круг дал трещину. И нам
Одна надежда: в круге бытия
Все возвратится на круги своя...

1973

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ

Опять мне душу воскресила
Мечта о том, что счастье есть.
Но я боюсь, что не под силу
Нести мне этот счастья крест.

И пусть как прежде, не слабея,
Томит меня тоска и боль, --
Все то, что чувствую к тебе я --
Уже, конечно, не любовь.

Все это лишь эскиз, набросок
Любви. Как эти вот стихи --
Всего лишь слабый отголосок
Поэзии...

1985

Влюбленные всегда бездомны,
Зато их очи так бездонны,
Что отражают целый мир,

В котором нет для них квартир.

Да, что и говорить, по сути,
Лишь о тепле и об уюте
Мечтать влюбленные должны,
Поскольку всем иным полны.

В их душах даже и в ненастье
Царит безоблачное счастье,
Но их продрогшие тела
Хотят лишь одного: тепла.

Тепла, угла, приюта, кровя --
Из тех, что светятся – любого,
Где люди гнезда вьют свои,
Мечтая втайне о любви...

1985

Лгут уста. Но разве губы лгут?
Жесты лживы. Но правдивы руки.
Помолчим хоть несколько минут,
Раз уж нам не избежать разлуки.

Посмотри еще раз мне в глаза.
Дай в твои взглянуть еще раз очи.
Нам вперед загадывать нельзя --
Мы в плену сырой январской ночи.

Будет встреча завтра ли, потом?
Зимней ли порой, порою летней? --
Все равно! Тревожусь лишь о том,
Вдруг она окажется последней...

1985

Все выжгло солнце. Вымыли дожди.
Безжалостно и жадно воздух выпил.
Остановись, мгновенье, подожди!
Мне вновь сюда вернуться жребий выпал.

Но ни следа. Бесстрастны и пусты
Глаза деревьев и камней ограды.
И даже все скрывавшие кусты,
Меня встречая, не опустят взгляда.

Берет и душу ветер в оборот,
И там бушует ураган кромешный...

Так почему же в ней который год
Усилия все забыть так безуспешны?..

1986

Завидуйте только любви,
Когда говорите о счастье.
Ни деньгам, ни славе, ни власти,
Ни даже таланту — любви.

А если окажется вдруг,
Что с вами она приключилась, --
Завидуйте тем, кто был в силах
Не выпустить счастье из рук.

1985

Был сад, обрызганный сиренью.
Была калитка.
Была душа. Ее паренье.
Была молитва.

Был слов поток, подобный печью
И причитанью.
Был сад, обрызганный сиренью,
Он прочил тайну.

Что ж, этот сад, и эта тайна,
И куст сирени
Попали вовсе не случайно
В стихотворенье.

1983

Увы, мой друг, земная жизнь
 нам не дается дважды,
Да и намерений благих
 в нас иссякает пыл.
А было время, когда я
 одной лишь славы жаждал,
И знал по слухам про любовь,
 и думал, что любил.

И вот уже давным-давно
 я рассуждал здраво,
И понимаю, что к чему,

и выводы коплю.
И слава — вот она. А мне
и дела нет до славы.
И все я знаю про любовь,
но больше не люблю.

Ах, ветер времени! Лишь в нем
Причина, как известно,
Того, что облетает жизнь,
как облетает куст,
Что все, чем славилась душа,
становится так пресно,
Что даже слезы по ночам
не солони на вкус.

1983

Есть первая любовь, что душу будит в нас.
Вторая есть любовь — она нас счастьем учит.
И третья есть любовь — она нас жжет и мучит.
И каждая из них к нам в свой приходит час.

Но есть еще любовь! И ранен тот навек,
Кого она крылом хотя бы задевает.
(Молчи, ведь все давно покрыл забвения снег!).
Что ж, значит, я о той, которой не бывает...

1983

Пока я пред тобой робею.
Пока завишу от тебя,
Пока любить тебя не смею,
При этом всей душой любя,
Пока, твоею красотою
Смущенный, я брожу в тоске,
Пока я знаю, что не стою
Мизинца на твоей руке,
Пока меня томит и гложет
Мысль, заслужу ли твой привет,
Пока мне эта мысль дороже
Всего на свете, — я поэт!

1985

Памяти Маргариты

Их души встретились. Она,
Исполнив долг (не долг — призванье),

Душеприказчица, жена,
На то последнее свиданье
К нему явилась. Здесь, в саду
Обещанном, в цветенье вишен,
В предписанном судьбой году,
В саду, где Шуберт вечно слышен,
Их души встретились. В тиши,
Где дни трудов не прерывались,
Соединились две души...
Те, что вовек не расставались.
1985

* * *

Благодаренье поэтам
За нежные строки любви.
Думаю, именно в этом
Заслуга их перед людьми.

С помощью строчек заветных
Так много свершилось чудес,
Чувств пробудилось ответных,
Открылось друг другу сердец.

Слов нам порой не хватает.
На помощь, спасительный стих!
Чья тут душа не растает
От нежных признаний таких?

Да и не скажешь ты лучше,
Какой бы ты ни был мастак,
Чем Баратынский и Тютчев,
Чем Лермонтов и Пастернак!

1985

Тайна тайн

* * *

Опять пахнуло холодом веков.
Историей. Судьбой материков.

Вселенской пылью. Гибелью планет.
Суровым гнётом миллионов лет.

Пространства беспредельной глубиной.
Непостижимой участью земной...

1984

Как огонек далекой хаты,
Звезда горит.
Туда, где ждут меня как брата,
Мне путь закрыт.

Мне путь туда, увы, заказан
До тех времен,
Покуда мой беспечный разум
Вкушает сон.

Покуда не сумел, не смог он
Понять вполне,
Что теплый свет звезды далекой --
Нам свет в окне...

1984

Сон

Летающий диск увидел я во сне,
Но я не знал, что это снится мне.

Во сне я говорил: «Смотрите – вон
Летит он к нам. И это всё не сон!»

И отмечал» «Вот я друзей зову,
А он летит. И это наяву».

И вторили друзья, следя за ним:
«Действительно летит. И мы не спим».

НЛО

Скользнул меж облаков
С заоблачных высот.
Скользнул – и был таков,
Ушел за горизонт.

Рассеялся как дым,
Развеялся как прах.
Невидим, неведим,
Разбойник, вертопрах.

Зачем он прилетал?

И отчего исчез?
Не знаю, не видал.
Спросите у небес,

Спросите у полей,
Спросите у лесов,
У штормовых морей,
У снежных полюсов.

Спросит у веков,
У океанских скал,
У этих облаков,
В которых он пропал.

У самых дальних звёзд,
У вековечной тьмы...
Ответ, что крайне прост
Тогда получим мы.

1987

* * *

О чем ты, радость моя, о чем ты?
Давай немножечко отвлечемся.

Давай немножечко помечтаем
О странном, о роковом, о тайном.

О том, чего мы понять не в силах,
Но что случилось и не забылось.

Чего как будто и быть не может,
Но что смущает и что тревожит.

И без чего здесь, под небесами,
Все ж не свести нам концы с концами...

1984

Жизнь

1

Кто-то в Землю эту
Бросил семена,
Чтобы пышным цветом
Расцвела она.

Кто-то семя бросил
И сказал: "Рожай!",
Ожидая в осень

Добрый урожай.

Бросил и умчался
По другим делам,
Не теряя часа,
Свой имея план.

И Земля те зерна
Тут же, в чем была,
Робко и покорно
В лоно приняла.

2

И явилось к сроку
Славное дитя,
Как бы ненароком,
Словно бы шутя.

До чего же крепкий, --
Радуется мать,
Маленький, но цепкий
Рук не оторвать!

Жметя потеснее
К матери родной,
Терпит вместе с нею
Трудный путь земной.

Крепнет понемножку
Плоть его и стать.
Вот уже на ножки
Изловчился встать.

Вот уж потянулся
К небу за звездой.
Вот уже столкнулся
С горем и нуждой.

Жгут его морозы,
Непогода бьет.
Первые вопросы
Отрок задает.

Обращает речи
К матери-Земле,
Что-то там лепечет
О добре и зле.

"Кто я да откуда, --

Пристает малец, --
И узнать не худо:
Кто же мой отец?".

3

Протекли сурово
Миллионы лет,
А отца родного
И в помине нет.

Нет его и нету.
Он, видать, забыл,
Над какой планетой
Семя обронил.

Или важным делом
Занят он как раз,
Чтобы думать, где он
Сын его — сейчас?

Или он проверку
Вздумал учинить --
Можно ль сыну дверку
В отчий дом открыть?

Может, наблюдает
Издали хитро,
Как сынок страдает,
Рвет свое нутро?..

Словом, непонятны
Нам его дела...
В небе необъятной
Только ночи мгла.

Только сумрак звездный
Долей ледяных,
Только хор бесплодный
Голосов земных:

"Впрок ли та наука
Жизни без отца?..".
Но в ответ — ни звука,
Тайна без конца...

1984

* * *

Мы живем на маленькой Земле,
На уютном звездном корабле,
На Земле, на шарике воздушном,
Ветру тяготения послушном.

Все равно – хотим иль не хотим –
Вместе с ним летим, летим, летим
В пустоте без края и предела,
Где мильоны раз тот путь проделан.

Да, не отстает и не спешит
Шарик наш, пока на нем кишит
Жизнь в своих случайных проявленьях...
Впрочем, нет. Вот тут как раз сомненье.

Погоди, читатель, рассуди:
Так ли уж случайны те пути,
По которым жизнь – слепая птица
К рубежам неведомым стремится?

Ведь она, хотя иль не хотя,
Той же самой матери дитя,
Что неисчислимы светила
Родила и в бездны запустила.

И, быть может, даже человек
С той же обреченностью навек
Мчит среди явлений и событий
По своей единственной орбите?

И, возможно, путь наш сквозь года
Был рассчитан раз и навсегда
По сухим законам строгих чисел
И от нас вовеки не зависел?

И людской наш непутевый род
Так же свой удел не сознает,
Как звезда, что по кругам Вселенной
Мчится – и взрывается мгновенно?..

1985

Я не боюсь остаться в дураках.
Я верю, что над нами в облаках
Те существа незримые витают,
Что вовсе не под Солнцем обитают.

Я верю в тайны, верю в чудеса,
В нам шепчущие что-то голоса,

В гармонию, владеющую нами,
Нам в душу мирно бьющую волнами.

Мне не представить не вообразить,
Как мог бы я без этой веры жить;
Я знаю тех, кто жить иначе может,
Но зависть к ним меня совсем не гложет.

Они опять мне скажут: «Ты смешон,
Наивен. Смысла здравого лишён!»
Я им отвечу: «Верить – это право
Я, видит Бог, я рассуждаю здраво.

Пускай я нахожусь во власти грёз,
Но если мир – бессмыслица, хаос
(А нынче он таков) – твердить я буду:
Его спасти под силу только чуду!»

1981

Любовь Земли (Вариация)

Я-то знаю: туг дело не чисто,
Что, прервав заточенье свое,
Хоть была она и неказиста,
Среди многих он выбрал ее.

То ль на свете он лучшей не встретил,
То ль другая ему не нужна,
Что-то в ней он такое приметил,
Что почувствовал сразу — она!

Да, видать, на него вдохновенье
Снизлошло, раз сумел угадать,
Что такая вовек не изменит,
Что любить его будет и ждать.

В одночасье он с ней обвенчался
И, судьбу не деля пополам,
Только ночь провел и умчался
По своим непонятным делам.

А она, от любви хорошея,
Всю нелегкую жизнь напролет,
Торопить свое счастье не смея,
Возвращенья заветного ждет...

1984

О смерти

1

Откуда такая беспечность,
Такая забывчивость в нас?
Как будто у каждого вечность
В запасе и гибели час

Не близится вовсе?.. Да что там!
Не зря так влекут нас дела.
Хвала повседневным заботам,
Забвенью печалей хвала.

Ведь стало понятно давно мне,
Что жители бедной Земли,
Вседневно о бренности помня,
Наверно бы жить не могли.

2

На память от дикой природы
Досталось нам то забытье.
Ведь камни не чувствуют годы,
О смерти не помнит зверье.

И мы в суете повседневной,
В безумном стремленьи своем
С такой же беспечностью древней,
Как звери и камни, живем.

Да, видно, с природы наследством
Так сжился земной человек,
Поскольку он в возрасте детском,
А дети бессмертны навек.

3

Все так. Но порой и другая
В душе поселяется мысль:
Быть может, нас в жизни пугает
Не смерть, а сама эта жизнь?

И сделать открытие простое
Когда-нибудь нам суждено,
Что жизни бояться не стоит,
А смерть пережить не дано.

Когда-нибудь станет нам ясно,
В иные совсем времена,
Что жизнь безусловно прекрасна,
А значит, и смерть не страшна.

4

И, сделав такое открытие,
Мы встанем из детских пелен...
Все так. Но, боюсь, не дожить нам
До этих прекрасных времен.

Боюсь, что их просто не будет,
Поскольку в пределах Земли
В своей безмятежности люди
До самого края дошли.

Какие же мы еще дети,
Что даже мгновенная смерть,
Грозящая нашей планете,
Не может нас в чувство привести!..

1983

Чудо

Внезапно ярким светом
В сознании зажглось:
Без чуда в деле этом
Никак не обошлось!

Да-да, одно лишь чудо
Тот объясняет факт,
Что вечным стал Иуда
И не забыт Пилат.

Ну мало ли предательств
История хранит,
Но лишь об этой дате
Молва в веках звенит.

Ну мало ли тиранов
Сменилось на Земле,
Но помним, как ни странно,
Мы лишь об этом зле.

А сколько их, гонимых,
Погибло на крестах,
Но только это имя
Осталось на устах.

Так, значит, было, было
Две тыщи лет тому
Все то, что не под силу
Вовек понять уму!

Так, значит, не легенда,
Не выдумка святош
Все, что тогда мгновенно
Людей бросало в дрожь!

И, значит, тот пришелец,
Что человеком был,
Которого доселе
Весь мир не позабыл,

В далеком том столетье,
Во времени ином
Жил все же на планете,
На шаре на земном!

Большое представленье
Из множества чудес
Давал! И в завершенье
Вознесся и исчез...

1984

Легкие строки

*Всеобщее воскрешение есть полная
победа над пространством и временем...*

Н. Ф. Фегоров

Философ утверждал сто лет назад,
Что всех людей однажды воскресят.

И по следам, что мы оставим тут,
Нас всех когда-нибудь воссоздадут.

Ну, словом, кто оставит в жизни след,
Тот через бездну лет увидит свет.

Вдруг это правда, и философ тот
Все угадал, премудрый, наперед?

И по тому, что здесь оставлю я,
Меня изымут из небытия!

Без мистики, без чуждых нам идей

Возьмут и сложат из простых частей,

Потом легонько сердце мне качнут –
И я от сна глубокого очнусь.

Казалось бы, вполне научный факт.
Но чувствую я, что-то здесь не так.

Нет-нет, я верю в торжество наук!
Иная мысль меня пронзила вдруг:

Зачем я столько лет пишу стихи,
Где от меня живого – ни строки?

Ведь если вдруг, мой изучая след,
Там кто-нибудь решит, что я поэт,

Тогда восстанет под его рукой
Не мой двойник, а кто-нибудь другой!

А если буду я совсем не я,
Узнают ли тогда меня друзья,

Восставшие из праха? И признать
Захочет ли меня родная мать?

И эти два любимых мной лица
Зажгутся ль счастьем, увидав отца?

И не пройдет ли равнодушно та,
Чья столько лет не вянет красота?

И я останусь на века один –
Не друг, не недруг, не отец, не сын?..

Нет, нет! Пока не поздно – шутки прочь!
Я должен, должен сам себе помочь!

Все сызнова! Былая жизнь не в счет!
Я трезвый отдаю себе отчет,

Что уж давно неправильно живу,
Совсем не тем являясь, кем слыву.

То, что хочу, совсем не говорю,
А раз скажу – потом не повторю.

Пишу не то, что хочется писать.
Пляшу, когда не хочется плясать.

Не там хожу, совсем не с тем дружу,
Не то лелею, не над тем дрожу.

Люблю. Но вдруг на том себя ловлю,
Что не того, не ту совсем люблю.

Ну как Он будет там меня лепить,
Когда я здесь не тот, кем мог бы быть?

Ах, сколько перепортит Он реторт,
В досаде говоря: "Не тот, не тот!"...

Ну хватит! Точка! Проще нужно жить,
Чтоб в будущем могли тебя сложить

В одно мгновенье!.. Впрочем, спору нет,
Вполне возможно, это все и бред.

И тот философ, что когда-то жил,
Над всеми нами просто подшутил.

Зачем?.. Неплохо б у него спросить.
И спросим! Если сможем воскресить...

1983

* * *

Проблема внеземных цивилизаций...
Мне от нее никак не отвязаться.
И вновь и вновь мне сердце леденит
Простая мысль: ужель мы одиноки?
Ужель наш путь мучительный в итоге
Ни с кем нас так и не соединит?

Ужели во вселенной все случайно,
И тайна бытия – совсем не тайна,
Поскольку у нее разгадки нет?
Ужель на зов наш, что звучит от века,
Нам никогда не получить ответа –
Ни через год, ни через бездну лет?

Но звездный снег над головой не тает,
И мысль моя над суетой взлетает
И в безднах галактических парит.
Вновь голову кружит мне бесконечность,
И я всей кожей ощущаю вечность,
Что, право, знать не знает что творит.

Здесь, на скрещенье мыслей дерзновенных,
Я чувствую согласие двух вселенных,
На рубеже которых я живу.
Одна – во мне. Ей тоже нет предела!
Другая – вне. И с ней я то и дело
Наедине во сне и наяву.

Да-да, я повторяю, в наивысший
Сознания миг, над бездною повисший,
Я ощущаю кровное родство
Со всем, что есть, что было и что будет,
И что пускай наш путь земной и труден -
Нам стоит до конца пройти его!

1984

Девяностые

Тема

1

Я "безродный космополит",
У меня душа не болит
За свою родимую землю.
Ибо нет у меня земли,
Чтоб отнять ее не могли,
Руководствуясь этим ли, тем ли.

Ну какой же я патриот,
Если нет у меня забот
Об отдельном своем пространстве,
Где я чувствовал бы себя
Человеком, тот край любя,
Смысл ища в любви постоянстве?

Горд эстонец и горд грузин,
Белорус, татарин, мордвин
Краем, где довелось родиться.
У меня ж оснований нет
Край любить, родной с юных лет.
И тем более им гордиться.

Вне законов и вне границ,
Вне провинций и вне столиц,
Посреди погибшей державы
Я живу, мечтаю, скорблю,
Землю эту навек люблю,
Хоть любить не имею права.

Кто же я, скажите, такой?
Отщепенец, беглец, изгой,
Чужеземец с душою темной?
Или сжегший все корабли
Просто житель страны Земли,
Человеческий сын бездомный?

1993

2

Я за Лермонтова и Лескова
Иудейскую душу отдам.
Да простит мне святой Иеговы
Легкомыслие не по годам.

Но за вещице строки поэта,
За волшебный прозаика слог
Мне не жалко ни райского света,
Ни земных этих адских дорог...

1993

3

О, Русь моя! Жена моя!..
А. Блок

Что мне делать? Родную страну
Я люблю как чужую жену.

И ко мне, хоть другому верна,
Не вполне равнодушна она.

Чтобы связь эту не разорвать,
Я любовь свою должен скрывать.

Бросить все это было б честней,
Но не в силах расстаться я с ней.

И живу, постоянно боясь,
Что меж нами откроется связь.

Что, не взяв мои чувства в расчет,
Муж законный мне шею свернет...

1990

* * *

Я счастлив был. Мне сон приснился,
Что я в любви ей объяснился.
При этом, важно, что она
Была так сказочно юна,
Что в бодрствующем состоянье
Я б стал предметом осмеянья,
Когда б под силу было мне

Сказать ей, что сказал во сне...

1992

* * *

Под южным небом, полным звезд,
Наш разговор был очень прост,
На это было лишь вначале.
Потом, дыханье мне стесня,
Он стал немислим для меня,
Хотя слова мои звучали
Как прежде... Звездный хоровод
Над ширью средиземных вод
Сверкал, пронзая теплый воздух,
Как вдруг — не там, не в вышине,
А здесь, со мною наравне --
Зажглись совсем иные звезды.
Твоих зрачков тревожный блеск
Обжег мне душу. И исчез
Весь мир вокруг. Морские мили
Вмиг испарилась. В миг второй
Погас над нами звездный рой --
Твои глаза его затмили...

1992

В трамвае

Мама со следами красоты,
Рядом — чудо со следами мамы.
Вот вам характерные черты
Вековой и безысходной драмы.

У одной в глазах тоска-печаль,
У другой — весна и безмятежность.
И обеих почему-то жаль,
И к обеим почему-то нежность...

1992

* * *

Л.Ц.

Победительница и чемпионка,
Ты по Пятой идешь авеню.
Оборачиваются вдогонку
Бизнесмены, попав в западню.

Что ж, серьезные, значит, причины
Сотрясают Нью-Йорк деловой,

Раз солидные с виду мужчины
Начинают вертеть головой...

1991

* * *

Б. Л.

В атмосфере любви,
В стратосфере печали,
В безвоздушном пространстве тоски
Жил я попеременно.
И в самом начале,
И теперь, когда снег на виски
Начал падать слегка...
Но, увы, с каждым годом
Все сильней ощущение, клянусь:
Не дадут подышать мне любви кислородом --
Тут же я задохнусь!

1992

Веронике Долиной

Я читал вашу книгу с конца,
Не спеша, приближаясь к началу,
Возвращаясь, порою скользя
По прочитанным строчкам. Пожалуй,
Обнаружить я все-таки смог,
Что искал, растревоженный звуком
Ваших песен. И в горле комок
Был мне в этом надежной поручкой.
Но поверьте (обидеть боюсь!),
Что над вашими песнестихами
Я слезами вдвойне обольюсь,
Если мне их споете вы сами...

1992

В Америке

1

Красный, оранжевый, желтый, зеленый...
Дальше вы знаете. Но не о том
Я, расстояньями не утомленный,
В полном автобусе, словно в пустом,
Начал шептать. Пенсильванским пейзажем
Осень заполнила раму окна.
И, пассажир с независимым стажем,
С опытом жизни на все времена,
Я эту школьную строчку припомнил,
Правда, неполную, но и ее

Было достаточно, чтобы легко мне
Восстановить впечатленье свое.

2

Калифорнийский закат
Выполнен как на заказ,
Огненной кистью расписан.
Словно с древнейших времен
Образ индейских племен
Принадлежал этим высям.

Горе испивши до дна,
Мирные те племена
Замерли в праведном гневе.
Ярость и боль наконец
Выплеснулась из сердец
И отпечаталась в небе...

1994

Виктор Цой

Я видел этого мальчика,
Он мне показался высоким.
Внешность часто обманчива,
Особенно на востоке.
В черной паре холщовой,
С черной гривой волос,
Возможным тогда не счел он
Удовлетворить запрос
Наш – по поводу песни,
В смысле того, чтоб спел
Нам он ее. Хоть тресни,
Петь он для нас не хотел.
Был он при этом негордым,
"Просто гитары нет", –
Нам объяснил. И твердо
Вновь повторил в ответ:
"Нет".

Потом на экране
В фильме с названьем "Игла"
Был он смертельно ранен,
Кровь по снегу текла.
Многие не сдержались,
Глядя, как он играл.
Нет, он не бил на жалость,
Просто он умирал.
Вздернутый подбородок,

Все, что ты видишь и слышишь,
Не пропустив ничего.

Сердца заветный дневник —
Тот, что ты пишешь и пишешь
Лишь для себя одного...
1994

Восемь стихотворений о неслучившейся любви

А. Е.

1

Прости мне, что, в надежде душу
Воспламенить в последний раз.
Я с ходу на тебя обрушил
Слов заготовленный запас.

Что с целью тайной, сокровенной
Хотя б на миг ее возжечь
Смотрел в глаза проникновенно
Держал возвышенную речь.

Что лишь о ней одной в заботах,
Умело голосом играл,
Шутил на полных оборотах,
Очки, казалось, набирал.

Прости. Мне оправданья нету...
Но вдруг надежда ожила,
Что ты за чистую монету
Мои слова не приняла.

Что и сама в надежде тайной
В себе чему-то жизнь продлить,
Со мною встретившись случайно,
Спешила душу мне излить.

Что с той же страстью неизбывной
Поддерживать в костре огонь
Меня дарила речью дивной,
Протягивала мне ладонь.

Не думать же на самом деле,
Что некто, распустивший хвост,
Сам по себе, без всякой цели,
Твой взгляд остановил всерьез...

2

Мы говорим на разных языках,

Но чувствуем на одном.
Придется, видно, держать себя в руках —
А иначе вверх дном.

Жизнь перевернется моя,
Как в тех временах иных,
Где смог, сумел, изловчился я
Остаться все же в живых.

Прости мне этот древний инстинкт,
Старинный этот рефлекс:
Чтоб рок любви тебя не настиг,
Ее не заметить блеск.

Уйти, затаиться в своем гнезде,
Достойную жизнь влача
И мечтать не смея о той звезде,
Что взошла, горяча.

Пускай же счастья благая весть
К другому сердцу летит.
Я был звездочетом — да вышел весь,
И пусть меня Бог простит...

3

Забыл твое лицо.
А может, и не помнил.
Ты снова далеко,
Я снова это понял.

Мирит меня пока
С беспамятства безумьем
Твоя — ко мне — рука
С зажатым в ней изюмом.

Я в мокрую ладонь
Губами смело канул
И помню, что с трудом,
Но все-таки отпрянул.

Так вот, один лишь вкус
Сушеных виноградин
И помнится, клянусь!
Прости мне, Бога ради.

Ну а лицо забыл —
Случиться же такому!
С изюмом случай был,
А так — мы незнакомы...

4

Ода автоответчику

Лишь несколько кнопок на диске нажать
И трубку холодную к уху прижать.

И после положенных длинных гудков
Твой голос услышать, без обиняков

Просящий, молящий тебя извинить
За то, что придется попозже звонить.

Что нету тебя, но — сомнения прочь —
Ты есть, ты придешь, ты примчишься точь-в-точь

К двенадцати, к трем, ну железно — к пяти,
Звоните, а нет — постарайтесь прийти,

Ведь именно этот — свидетелем Бог —
И жаждешь давно ты услышать звонок!..

Я знаю, конечно, что там тебя нет,
Что каждому твой предназначен привет.

С другой стороны, убежден я вполне:
Слова предназначены именно мне.

И вновь набираю я твой телефон,
И снова я слышу как будто сквозь сон:

«Простите, что в данный момент я не здесь,
Но не сомневайтесь — сегодня я есть!

Я буду еще, но чуть позже, увы.
Я знаю — звоните мне именно вы!..»

И вот я предвижу пришествие дня,
Когда не захочешь ты видеть меня,

Когда, не умея прощать и винить.,
Ты холодно скажешь: «Не смей мне звонить!»

Я номер заветный опять наберу
И, голос услышав, от счастья умру:

«С утра я на месте. Какая тоска...
Звоните. Я жду с нетерпением звонка...»

5

Мы связаны всемирным тяготеньем,

Как две планеты или две звезды.
Я за тобой невидимое тенью
Скольжу, твоей пугаясь высоты.

И прежде связь существовала эта,
Но ты миллионы лет день ото дня
Была как неоткрытая планета,
Влиявшая незримо на меня.

И вот, когда ты все-таки явилась,
Я в памяти мгновенно воскресил,
Что чувствовал всегда как Божью милость
Воздействие твоих далеких сил.

И если мы расстанемся с тобою,
Связь эту изначальную прервем,
То мир лишится навсегда покоя,
И древний хаос воцарится в нем.

Отсюда и безмерный этот ужас,
Который вдруг всего меня объял:
Неужто я очнусь и обнаружу,
Что вновь тебя навеки потерял?!

6

Приснилось мне, что мы должны расстаться,
Что это все к добру не приведет,
Что нам не стоит даже и пытаться
Предотвратить событий грозный ход.

Ну что ж, тогда не может быть и речи,
Чтоб день хотя бы не хотелось мне
Благодарить судьбу, что наша встреча
Случилась наяву, а не во сне...

7

...И шеи полет, и губ уголки
Мне стали близки.

Ладоней тепло и запах волос
Доводят до слез.

Шуршанье плаща и голоса звук —
Источники мук.

А сколько всего скрывают глазам!..
Об этом нельзя...

Я встрече с тобой беспомощно рад,
Какой же мне ад

Дано пережить, когда до любви
Удастся дожить!

8

Грузинская гордость, армянская скорбь,
Ты только, пожалуйста, душу не горбь.

Расправь свои темные крылья бровей,
Печальные думы по ветру развей.

Цвет черный – о, как хорошо тебе в нем!
Но таинство ночи сменяется днем.

К тому же не свяжутся вместе, боюсь,
Грузинская гордость, еврейская грусть.

Меня твоя тайна ночная манит,
Но Бог милосерден и душу хранит.

И в ярких лучах наступившего дня
Ты вновь незнакомкой пройдешь для меня...

1994

Попутные строки

1

Порою мне кажется, эти —
Ну те, что задумал — стихи
Уже существуют на свете
До самой последней строки.

И, собственно, вся и забота —
Забыться и вспомнить до слез
Все то, что неведомый кто-то
Однажды уже произнес.

Все то, что когда-то и где-то
Мучительно и тяжело
Покинуло душу поэта
И в память навеки ушло.

2

А что у тебя за душой,
И чем же ты, милый мой, дышишь,
Когда непослушной рукой
Стихи свои тихие пишешь?

И чем твое сердце полно,

Когда в неумной отваге
Ты бродишь и смотришь в окно
И водишь пером по бумаге?

Чем занят насмешливый ум,
Скажи мне, ответь, Бога ради,
Когда ты, суров и угрюм,
Склоняешься молча к тетради?

3

А вот стихи. Их знает каждый.
В них нет усилий ни следа.
Как будто бы они однажды
Дались поэту без труда.

Вдруг родились помимо воли,
Вдруг сорвались нежданно с уст.
А что поэт? В какой он роли?
Никто не знает. Ну и пусть!

4

Творим поэзию из слов,
Из запятых и точек.
Но объявиться, как назло,
Поэзия не хочет.

Из слов поэзию творим
Значительных и страстных,
Бормочем, шепчем, говорим,
Диктуем — все напрасно.

И тут, поток остановив,
Начнет скрести мыслишка:
Вдруг в этом деле, как в любви,
Слова почти излишни?

И суть не в строчках, не в словах,
Не в их расположенье,
А в чем-то, что едва-едва
Рождает в сердце жженье?

И в том, чему мы не вполне
Поныне знаем имя, —
В какой-то длящейся волне,
Что не в словах — за ними?..

5

Совет, пусть даже и не нов он:
Но, если зазвучит в ушах
Мелодия, любое слово
Выхаживайте, как больного,
За вздохом — вздох,
За шагом — шаг.
За веком — век.
Курчавый гений,
Поутру встав из-за стола,
Исполнен звуков и видений,
Шел после полунощных бдений
Пешком до Царского Села...

6

В подтверждение верности мысли
(Так разумен наш русский язык),
В подтверждение верности мысли
(Так давно он на свете возник),
В подтверждение верности мысли
(Мудрость мира до срока тая),
В подтверждение верности мысли
(Если скупю им пользуюсь я),
В подтверждение верности мысли
Он меня уличит в чепухе,
В подтверждение верности мысли
Он ей даст воплотиться в стихе.

7

Разобраться в хороших стихах,
В самом деле, не так уж и сложно.
Уличить в незаметных грехах,
По сюжету пройдясь осторожно.
Все достоинства определить
И, отдельные вскрыв недостатки,
Слабый свет наконец-то пролить,
Отчего нам печально и сладко...

8

Как эта мысль была ясна,
Когда возникла вдруг она,
Живая, в глубине сознания!
Но только я решил в слова
Ее облечь — она мертва,
Как говорят, одно название.

И проку нет в той тишине,
Которая опять во мне
Подводит свой итог печальный.
Ни силы, ни дыханья нет,
Одни слова — лишь мертвый след
Той истины первоначальной.

9

Огорчениям назло,
Приключившимся вчера,
Вдруг мне в голову пришло
Несколько прекрасных рифм.

Но пока живая речь
Течь не станет как река,
Я решил их приберечь —
Пусть немного полежат.

Впрочем, разве что одну
Брошу в речку — пусть течет.
Если не пойдет ко дну,
Может выйти пустячок.

10

Не стоит рифмовать глаголы.
С уверенностью вековой
Они покажут, как мы голы,
Нас выдавая с головой.

Глагольной рифмы безыскусность,
Ее чуть простодушный вид
Не скроет и неправды чувства,
И бедной мысли не простит.

Она все по местам расставит,
Свой счет предъявит мастерству
И, не дай Бог, еще заставит
Заговорить по существу.

И нам в страде своей бумажной
Придется так писать стихи,
Что станет в общем-то неважно,
Глагол ли там в конце строки.

11

Опять я подумал несмело

О том, что, дожив до седин,
Вдруг с этим «таинственным делом»
Останусь один на один.

Возможно ли? Трудно представить.
Крутой поворот на пути —
И все. И уже не оставить,
Не спрятаться и не уйти.

Не жаловаться по привычке
На занятость. Не отложить.
Убрать наконец-то кавычки
И по-человечески жить.
1968—1978

После книги

* * *

Скажи, что мне делать, Всевышний,
Егова, Христос, Магомет?
Куда ни посмотришь – я лишний,
Мне места законного нет.

Поведай мне, Отче, с любовью,
Как жить мне в пространстве таком
С моей иудейскою кровью
И с русским моим языком?

Меж верных твоих и неверных,
В присутствии злобы и лжи,
Времен посреди беспримерных
Как мне затеряться, скажи?..
1995

* * *

Старая заветная мысль
О том, что вознесенные ввысь,
Выросшие за много веков
Сорок и более сороков
Храмов, мечетей, пагод, церквей
Разных стилей и разных кровей —

Главный довод в пользу того,
Что так называемое Божество
Есть, существует. Что их красота —
Есть воплощенная правота
Мысли заветной, старой моей
О доказательстве Бога...
1996

«Библиотека поэта». Ходасевич

Что ж, без сомнения, он пятый
Меж первых под обложкой синей.
Как будто на кресте распятый
Между Европой и Россией.

Лях иудейский. Посредине
Стоящий. Или же повисший.
И в Петербурге и в Берлине
Подвластный только воле высшей.

Больной, измученный, уставший,
Ни перед кем не гнувший шею,
Четырехстопный ямб считавший
Единой родиной своею...
1996

* * *

Опять косматая звезда
Всю ночь в окно мне светит
И спать мне снова не дает,
И душу бередит.
Опять загадку задает
Труднейшую на свете,
И что не мне ее решить,
В который раз твердит.

Зови, зови меня, звезда,
Буди мой разум спящий,
Дай силы душу оторвать
От вечной суеты.
Жить милостиво научи

Не только настоящим,
А тем, что времени сильней,
Что знаешь только ты.

Послание друзьям

*(Вадиму Жуку, Игорю Иртеньеву,
Борису Литваку, Михаилу Мишину, Юрию Росту и...)*

Друзья мои! Пока мы живы,
И чувства в нас пока не лживы,
И эпидемия наживы
Пока не смеет тронуть нас, –
На жизни неизвестном круге
Давайте вспомним друг о друге
Без шутовства и без натуги,
А просто. Как в последний раз.

Вадим Семеныч несравненный,
С душою вечно суверенной
И статью – дай те Бог – не брэнной
Еще бы лет хотя бы сто,
Вспомни обо мне, вспомни,
Хвалу за что-нибудь воспой мне,
Твое отсутствие восполнить
Хотел бы – не сумел никто.

Блистательный Иртеньев Игорь,
Твоих стихов прекрасным игом
(Пускай они и с легким сдвигом!)
Как гимназистка я пленен.
Остановись в напрасном беге,
Пусть бегают твои коллеги,
А ты – ну как там? – в легкой неге
Мой набери-ка телефон!

И ты, любитель песнопений,
Нырания вглубь и восхождений,
Необязательности гений,
Великолепный Юрий Рост, –
Пусть будут выси и глубины

Тобой по-прежнему любимы,
Но до чего ж необходимо
Мне твой опять услышать тост!

И ты, прекрасный Миша Мишин,
В какой такой московской нише
Ты затаился, что не слышен
Твой голос, твой живой привет?
Не скучно ли быть знаменитым,
Молодцеватым, деловитым?
Не лучше ль встретиться с Хаитом
И в день отъезда сдать билет?

А есть еще в Одессе Боря,
Чей голос в этом славном хоре
(Об этом я с любым поспорю!)
Не затеряется теперь.
Да и куда, друзья, нам деться,
Когда в спортивной школе детской
На ширину души одесской
Для нас всегда открыта дверь?!

Касательно знакомых женщин,
Которые друзья, – их меньше.
Их две или три. Но чистый жемчуг
Расположенья их ко мне
Бесценен, я скажу, бесценен,
Сомненья я скажу без тени,
Без женской, я скажу, без темы
Жизнь полноценна не вполне.

Вот так, шагая жизни краем,
Мы вновь однажды открываем,
Что мы друзей не выбираем,
Что выбирают нас друзья.
И нам одна надежда светит:
А вдруг нас кто-нибудь заметит
Из тех, кто может фактом этим
Вернуть нам счастье бытия...

Памяти мамы

Я не был рядом, не был рядом.
Когда прощальным тихим взглядом
Окинула ты все вокруг,
И стынувших не сжал я рук.

Я не был рядом, не был рядом,
Когда цветущим райским садом
Мир для тебя внезапно стал;
Я не почувствовал. Устал.

Я не был рядом, не был рядом,
Когда упырь, что правит адом,
Меня в свой черный список внес...
Не вздрогнул я, не пролил слез...

Мама молодая в белом кружевном
В мире незнакомом, призрачном, ином.

Темная прическа в золотом кольце,
Ясная улыбка на ее лице.

Вся в очарованье ласкового дня
И впервые в жизни ей не до меня...

В том-то все и дело – в сердце, как копье –
Это все не в жизни больше у нее.

В том-то вся и штука, что она теперь
Там, куда без стука открывают дверь.

Я, глаза закрывши, на нее смотрю,
Про свою вину ей тихо говорю.

Но она не слышит, между ней и мной
Занавес колышет ветер неземной...

1994 г.

Памяти Ники Турбиной

1.
На Землю ангелы слетают
По чьей-то воле
И рядом с нами обитают
В земной юдоли.

Они рождаются как люди,
Растут, взрослеют
Смеются, радуются, любят,
Мечты лелеют.

Но что-то все-таки во взгляде,
В лице, в походке
Нам говорит о вышнем граде,
Где все бесплотны.

2.
Кто их послал сюда, скажите,
С какую целью
В земное наше общежитье,
В избу и келью?

А может быть они и сами
Беззвездной ночью
Тайком расстались с небесами
Спеша помочь нам?

Рывком из ангельского круга,
Внезапно выйдя,
Как мы тут мучаем друг друга
Не в силах видеть,

Воспользовались тайной дверью
между мирами
И в край вражды и недоверья
Слетели сами?

3.
Но это там они обычно
Всегда на страже...
Для них странна и непривычна
Земная тяжесть.

И в том краю они всесильны
Где свет без тени,
А здесь --в Самаре ли, в Севилье --
Не там, не с теми.

Для них ни верха нет, ни низа --
А крыльев нету! --
Они срываются с карниза,
Забыв про это,

Бордюры бетонные не считая,
Земною твердью...
И, вновь незримые, взлетают
Лицом к бессмертью.

Языческое

Я подданный российской речи
Ее примерный гражданин
Предлогов русских и наречий
Надеюсь, что законный сын.

Приверженец ее глаголов,
Деепричастий патриот.
Поклонник суффиксов веселых,
Адепт лирических красот.

Классических ее созвучий
Коленопреклоненный раб,
За «Мчатся тучи, выются тучи...»
Я на плацу вскричал ура б!

Ее кумирам поклоняюсь,
Ее победами горжусь.
Ей эти строчки посвящаю,
Хотя в пииты не гожусь.

И сей единственной отчизне,
В грудь не бия сто раз на дню,
И не клянясь при этом жизнью,
Я верность с детских лет храню.